

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестая книга „Евразийского Сборника“ выходит в свет через год после издания X-го выпуска „Евразийской Хроники“. Целый год — не малый срок вообще, и тем более значительный срок в условиях современной жизни. Годовой перерыв в фундаментальном евразийском издательстве обязывает редакцию предпослать нижепечатаемым статьям несколько замечаний о свершившемся и происшедшем, характеризующем новое сочетание фактов, на фоне которых издание наше выходит в свет.

Последняя „Хроника“ появилась еще в эпоху относительного благополучия, достигнутого советским хозяйством. Сейчас мы присутствуем перед развитием острейшего хозяйственного кризиса. Симптомы его общеизвестны — недостаток предметов потребления, продовольственные карточки, прогрессивное падение червонца и рост цен, обострение отношений между деревней и городом, уменьшение посевной площади, и, наконец, всё продолжающаяся всесоюзная, все-российская безработица, достигшая небывалых размеров (едва-ли не 15 миллионов людей, не знающих, куда применить свой труд). Еще в 1927 году, в период относительного хозяйственного благополучия, мы указывали на некоторые из этих фактов и подчеркивали, что борьба с ними возможна только при росте и закреплении частного-хозяйственного сектора в советской экономике, — как мы говорили тогда, в стабилизации государственно-частной системы хозяйства, с доведением обеих стихий ее до органически-соразмерного отношения. Тем более отчетливо должно быть выражена эта наша мысль в настоящий момент, в период хозяйственного кризиса, главнейшей и почти единственной причиной которого был безумный порыв к огосударствлению, спазматически охвативший советскую экономическую политику в последние два года.

Год тому назад советское государство стояло на последних ступенях того периода развития, который характеризуется интенсивной жизнью и деятельностью официальных органов власти, протекающей параллельно внутренней жизни правящей партии. Было время, когда гремели пышные Съезды Советов, когда на сессиях ЦИК-ов происходила горячая работа правотворчества, писались законы, составлялись кодексы и т. п. Уже год тому назад можно было заметить, что время это подходит к концу. Центр политической жизни советского государства постепенно намечается около работы органов партии. Партийная дискуссия заменяет то, что на Западе связывается с парламентскими заседаниями и подобием чему являлась своеобразная работа сессионных собраний различных органов советов. Сейчас процесс этот еще более выявился. Родившаяся из первоначальной дискуссии прямая борьба фракций, заметная уже год тому назад, дошла до стадии высокого напряжения и постепенно заслонила собою другие элементы политической жизни Советского Союза. Можно

уже определить, каковы результаты этой борьбы: происходит, в сущности говоря, постепенная элиминация основных мозговых центров партии, партийной „интеллигенции“; у власти остаются люди дела и практики,—не мастера газетных фельетонов, но специалисты в политической хватке. Тем самым внутрипартийная борьба теряет идейный характер, столь ярко ощутимый в „дискуссиях“. Борются не за принципы, а за власть—и победитель легко усваивает принципы побежденного, раз они ему тактически полезны и нужны. Всё это — показатель постепенного выветривания партийной идеологии,— процесс, который отнимает у властных отношений всякую идеократическую основу. Тем более отчетливо при таких обстоятельствах обязаны мы противопоставлять свою цельную и новую идеологию выветривающейся теории и практике русского марксизма. И кто этого не понимает, тот совершает величайшее предательство евразийства, — предательство, которому нет оправдания и прощения.

Наконец, уже год тому назад можно было подметить ряд признаков, указывающих на вновь охватывающую советское государство спазму насилия и гнета. Такая спазма появляется всегда в период неудач, период же успехов всегда ослабляет давление гипертрофически выросшего коммунистического государственного аппарата. Жизнь в советском государстве в такие периоды неудач становится особо тяжелой,—и жалобы на это вновь льются к нам широкой волной, из различных углов нашей родины. В такие моменты мы с особой силой должны выдвигать начала законности и права, которых жаждет население советского союза. Мы являемся сторонниками государственного начала, идеологами крепкой государственной власти,—но пусть не думают, что эту власть мы отождествляем с произволом, с голым принуждением. Мы знаем, что в настоящее время, из соображений антисоветской тактики, все политические направления рекламируют себя в качестве преимущественных носителей правовых начал. Это делают даже те, прежние и настоящие реакционеры, которые в душе глубоко презирают право и издеваются над ним. Мы не склонны заниматься такой саморекламой, но в последующем развитии наших идей надеемся показать, что стихия права более глубоко и органично связана с евразийством, чем с любым из современных русских политических течений.

Таковы основные политические требования, выставляемые современным моментом, и лозунги, отвечающие, по нашему мнению, существующей политической обстановке.

ЗАДАНИЕ ЕВРАЗИЙСТВА

Основное историческое задание евразийства—это включение происшедшего в революции—в рамки русской и евразийской исторической традиции. Задание это не есть познавательное и созерцательное, но действительное задание. Включение происшедшего в историческую традицию не может быть механическим. Им подразумевается установление некоторой существенной одноприродности между тем, что вклю-